

Евгений Кисин: «Вдохновение возносится в запредельные миры»

Интервью знаменитого пианиста
корреспонденту «Новых Известий» Юрию Коваленко

На Музыкальных встречах в Эвиане Евгений Кисин играл Шопена. Вдохновенно, возвышенно, божественно. Публика рукоплескала, плакала и неистовствовала, а бледный как полотно пианист, казалось, был близок к обморочному состоянию. «После концерта я не могу за-

снуть всю ночь», — скажет мне позже Кисин, который крайне редко дает интервью. А я думал о том, что слушал игру одного из величайших пианистов наших дней.

(Текст интервью — на стр. 6)

Новые известия — 1999 — 9 июля — с. 1, 6

«Вдохновение возносится в запредельные миры»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— В 1988 году, когда вам было 17 лет, Герберт фон Караян назвал вас «гением». Что значат для вас эти слова?

— О такой оценке Караяна я и мечтать не мог. Это для меня огромная ответственность. Слова эти накладывают на меня огромные обязательства.

— Однако вам более чем удалось оправдать возлагавшиеся на вас надежды...

— Караян спустя год после нашей первой встречи не стало, но великих музыкантов и сейчас много, пусть они судят. И время тоже.

— Гений — это сверхчеловек в жизни и в искусстве, которому все дозволено?

— В жизни никому не может быть все дозволено, а что касается искусства, то в каком смысле? Да и гений гению тоже рознь. Например, когда мы слушаем запись исполнения Рахманиновым второй сонаты Шопена, с Шопеном там нет ничего общего. Но поскольку Рахманинов сам был гением, ну, может быть, не такого уровня, как Шопен, но все-таки близкого к нему, то, наверное, имел на это право. А из пианистов, я думаю, пожалуй, никто...

— Какова, с вашей точки зрения, природа гения? Она имеет божественное начало или это гениальная алхимия?

— Я в генетике не разбираюсь, и не мне судить, почему так получается. Я вообще, честно говоря, не особенно задумываюсь над этим вопросом. Во всяком случае, не в связи с самим собой...

— Гений, в сущности, человек-одиночка, даже порой непризнанный...

— Мне не приходит сейчас на ум ни один из гениальных музыкантов-исполнителей, который был бы не признан. Композиторы — да. А что касается одиночества, то оно может быть далеко не только от непризнанности. Насколько я помню, Михоэлс когда-то писал: «Не нужно бояться одиночества, одиночество существует всегда». В работе, в творческом усилии, мысли разве человек не одинок? Это не значит, что того или иного артиста можно назвать одиноким. Но, наверное, элемент одиночества в большей или меньшей мере присутствует в жизни и работе артиста.

— А в чем вы видите свою миссию музыканта?

— Насчет миссии я не знаю, мне кажется, я должен реализовать все, что мне дано природой.

— Вы человек честолюбивый?

— Нет, никогда не был честолюбивым по натуре. Моя учительница Анна Павловна Кантор рассказывала, что как-то в самом начале моего обучения у нее, когда я ленился, она мне пригрозила, что если я буду плохо играть, то меня с рояля переведут на барабан. Таким образом она надеялась разбудить во мне честолюбивые чувства, но я на это заявлениеотреагировал весьма своеобразно, сказав: «А я тогда на барабане буду играть так плохо, что меня снова на рояль переведут...» То есть по натуре я никогда не был честолюбивым, и в жизни у меня с самого начала все складывалось очень хорошо. Поэтому жизнь тоже не способствовала развитию во мне этого качества.

— Если я не ошибаюсь, вы в два года сели за рояль?

— Я, конечно, сам не могу этого помнить, но родители рассказывают. Насколько я знаю, это редкий случай. У меня просто была потребность. Как только я попросил родителей, что смогу играть на рояле, они сразу же купили рояль. И вот я начал играть.

— Что первое вы сыграли?

— Нет, я себя помню с трех с половиной лет. Я только знаю, что сначала я играл одним пальцем, а потом начал всеми. А в три года играл уже все подряд: все, что слышал с пластинок, но радио, все, что моя старшая сестра играла. Кроме того, я все время импровизировал. Одно из самых первых воспоминаний связано с тем, что я сижу за роялем, что-то играю и пою: «Надежда, мой компас земной...»

— Для вас музыка — это высшее из искусств?

— Не знаю. Можно, конечно, порассуждать на эту тему. Какие искусства выше, какие ниже. Некоторые считают музыку высшим из искусств, но мне кажется, что, когда речь идет о разных видах, вряд ли стоит расценивать их с точки зрения того, что выше, а что ниже. Музыка — это то, к чему у меня есть талант, то, что я умею делать. Но другие виды искусства я тоже не отрицаю.

— Кто из пианистов оказал на вас наиболее сильное влияние?

— Не знаю. Потому что замечательных пианистов очень много. Если бы вы спросили меня, кто мои любимые пианисты, я бы ответил, что каждый по-своему, и это скорее зависит от репертуара. Наверное, все они в той или иной степени или в той или иной форме оказали на меня влияние. Я ведь слушал множество записей и ходил и хожу на концерты, когда есть такая возможность, и у всех учусь. И даже если мне что-

то не нравится, с чем-то я не согласен, это меня тоже учит. Это работает от противного. Я тогда еще яснее представляю себе, как можно играть, услышав, как не нужно.

— Ваш преподаватель Анна Павловна занимается с вами с шестилетнего возраста и поныне...

— Наша совместная работа проходит, конечно, совершенно в другой форме, чем даже несколько лет назад. Поскольку мы вместе живем, то она, будучи дома, практически все время слышит, как я занимаюсь. Иногда, если она считает нужным мне что-то сказать, она это делает. А так я для нее время от времени что-то играю, но даже не дома, а на репетициях перед концертом.

— Какую роль может играть педагог для такого музыканта, как вы?

— Ну, конечно, совершенно другую, чем раньше. Мы знаем, что учиться можно всю жизнь, особенно в искусстве. Тем более что Анна Павловна была моим единственным педагогом. И поэтому она меня знает лучше, чем кто бы то ни было, и может мне помочь. У нее в свое время был ученик, который впоследствии стал очень известным пианистом, — Николай Демиденко. Вот он, перестав у нее учиться, закончив консерваторию и аспирантуру, долгие годы играл для нее, когда у него была такая возможность. И это нормально.

— Кто же ваши любимые композиторы?

— Очень сложный вопрос, потому что я человек всеядный. Если по очень большому счету, то на первое место я бы поставил Баха, несмотря на то, что он пока значительного места в моем репертуаре не занимает. По моему, это наиболее универсальный композитор — как Пушкин в русской литературе. Он как бы продолжает оставаться началом, до сих пор оказывающим влияние на других композиторов. Покойный Шнитке говорил о Бахе: «Я целиком от него завишу». Затем я очень люблю Гайдна. Но если сравнить его с Моцартом, то Моцарта люблю больше. Бетховен — безоговорочно. Шуберт — тут несколько неоднозначно, потому что некоторые его произведения, причем многие, принадлежат к числу моих самых любимых на свете. Дальше Шопен. Он в моем репертуаре всегда занимал самое значительное место. Шуман — опять, некоторые его произведения, например, Первая фортепьянная соната, а также Фортепьянный концерт принадлежат к числу моих самых любимых произведений. Лист — тоже далеко не все, но кое-что для меня, да и не только для меня, стоит на самой вершине музыки. Затем Брамс. За исключением нескольких его произведений, все, что он написал, мне очень близко. Такая необыкновенная его красота, которая никогда не бывает «нараспашку»...

— Ну а кто из русских композиторов?

— Я как раз хотел сказать, что после Брамса мне наиболее близки именно русские композиторы. Начиная от Мусоргского, затем Чайковский — но далеко не все. Мне кажется, как и у Шопена, их музыка обладает свойством проникновения прямо в сердце слушателя. И у Чайковского даже те произведения,

которые мне не так нравятся, каким-то образом на меня очень сильно эмоционально действуют. Потом Рахманинов, многие сочинения которого принадлежат к числу самых моих любимых. Скрябин — это совершенно особый композитор. Если в ранних его произведениях заметно влияние Шопена, то впоследствии он стал единственным в своем роде. Совсем даже не русским, по-моему. Никаких русских элементов в его музыке не наблюдается. Вдохновение этой музыки возносится в запредельные миры. По-моему, только Скрябин и Бетховен из всех великих композиторов проделали такой радикальный путь развития в своем творчестве. Я как раз недавно начал играть Третью сонату Скрябина. Это одно из самых великих музыкальных произведений, когда-либо написанных. Это совершенно особый мир, и войти в него далеко не просто. Даже если он вам кажется близким. В отличие от других композиторов головой тут выдающихся результатов не добьешься. Затем идут Прокофьев и Шостакович.

— Сегодня все восхищаются Шнитке...

— Он выделяется среди своих современников, но мне кажется, что он при всем своем таланте композитор не такого высокого уровня, как Прокофьев и Шостакович. Подростком я люблю Шостаковича больше, чем Прокофьева. Сейчас же, когда я

Все с этим согласен, но все играют по-разному. У каждого своя натура. Мне кажется, что Рубинштейн правильно советовал исполителям: «Сыграйте вначале в точности так, как написано в нотах. Если после этого вам захочется что-то изменить, сделайте это». В нотах, можно сказать, далеко не все. Из классиков только в концерте Скрябина почти над каждой фразой стоят указания в словах. Кроме того, как говорил Касальс, нотный текст не совершенный способ изложения музыкальной мысли. И поэтому иногда мы встречаем в произведениях гениальных композиторов указания, которые, если их выполнять, придают музыке совершенно неприемлемое звучание. К указаниям композиторов не надо относиться догматически. Нужно также учитывать тот факт, что фортепьяно, каким мы его знаем сейчас, появилось только приблизительно в середине прошлого столетия. Даже Шопен имел в своем распоряжении другой рояль, тем более Бетховен, Шуберт. А о Моцарте и говорить не приходится.

— Моцарт, возможно, не узнал бы свои произведения в современном исполнении?

— Как говорят американцы, «никогда не говори никогда» — все может быть.

— Вы сами не думаете сочинять музыку?

— Я в детстве сочинял очень много. Почти как только сел за

присуждением мне премии «Триумф». Я, к сожалению, не смог приехать на церемонию вручения в январе, потому что мне сообщили меньше, чем за месяц. Но полгода спустя я смог выкроить пару недель: приехал, получил премию и дал два сольных концерта в Москве в Большом зале Консерватории. Как только я появился, прямо в аэропорту меня пригласили приехать еще раз, через два с половиной месяца, на празднование юбилея Москвы на Красной площади. Это приглашение я тоже смог принять. И в начале сентября 1997 года я играл еще раз.

— У вас, наверное, есть новые приглашения?

— Конечно. Сейчас пока определенных планов нет, потому что мои гастроли расписаны на два года вперед. Да и в России задолго планировать не нужно. Поэтому надеюсь в не очень далеком будущем приехать не только в Москву и Петербург, а если будет время, может быть, куда-нибудь еще...

— Вас интересуют российские дела или вы теперь гражданин мира?

— Да, конечно. Одно другому не мешает, не противоречит. С одной стороны, я гражданин мира, а с другой — меня, естественно, интересуют дела той страны, где я родился, вырос и прожил первые двадцать лет своей жизни. К сожалению, у меня там никогда не было близких друзей мо-

«К указаниям композиторов не надо относиться догматически».

думаю о том, кто из них объективно стоит выше, то прихожу к выводу, что это никак не Шостакович, а только Прокофьев. Темирканов, который лично знал Шостаковича, рассказывал мне, что он каждый день начинал свою работу с того, что садился за рояль и играл Баха. Элемент, который делает музыку Шостаковича уникальной, — это трагизм. Я также очень люблю Бородина, Римского-Корсакова, Глинку...

— Вы предпочитаете сольные концерты или выступления с оркестром?

— Сольные, безусловно. Потому что все зависит от меня.

— Вы много гастролируете?

— Совсем нет. Я играю около пятидесяти концертов в год. Для Ростроповича, например, это вообще детский лепет. Насколько я знаю, из моих коллег только пианист Кристиан Циммерман играет меньше.

— Почему тогда так мало? Не хотите размениваться, себя берете?

— У меня потребности, как это часто бывает, противоречат друг другу. С одной стороны, вроде бы мне хочется играть бесконечно. С другой — в порядке исключения я соглашаюсь играть сольные концерты с перерывом в один день. Но, как правило, играть сольные концерты с перерывом меньше, чем в два дня, для меня слишком много не с физической точки зрения, а с эмоциональной. Кроме того, и хочется, и нужно постоянно учиться новому.

— Что вы ставите своей целью — передать замысел композитора или дать его произведению собственную интерпретацию?

— Это вечный вопрос. Любый исполнитель вам скажет, что сухо играть только то, что написано в нотах, — это плохо. Но и разводить анархию тоже плохо.

рояль, начал импровизировать. А потом, как только пошел в школу и выучился нотной грамоте, начал записывать свою музыку. Как только я узнавал что-то новое от Анны Павловны, то тут же вводил это в свои пьесы. Несколько лет я сочинял музыку и даже играл свои собственные сочинения. Сначала для фортепьяно, а потом для других инструментов. Но порой то, что я сочинил, исполнить было невозможно. Я никогда не учился композиции, ибо Анна Павловна боялась, что я тогда заброшу рояль. Но потом она об этом пожалела, ибо ей нравились мои сочинения...

— Какие другие виды искусства вам близки?

— Литература, поэзия, в частности живопись, скульптура, архитектура. Особенно люблю те страны, где сохранилась старая европейская архитектура, — Италия, Франция, Голландия.

— Вы обосновались на постоянное место жительства в Лондоне?

— В Лондоне и в Нью-Йорке. Сначала в Нью-Йорке. Мы уехали из России довольно спонтанно.

— Это, кажется, было связано с тем, что вас хотели пригласить в армию?

— С армейскими проблемами было связано то, что я долго не возвращался. Когда уехал — нет. Тогда у меня как раз были гастроли в Америке, и мой менеджер устроил мне, Анне Павловне и членам моей семьи визы, позволяющие нам там остаться. Но у меня всегда было больше концертов в Европе, и мне хотелось иметь там какое-то пристанище. А несколько лет спустя нам удалось получить долгосрочные британские визы.

— Вы порой возвращаетесь в Россию?

— Я был там два раза — два года назад. Первый раз в связи с

его возраста, но у меня остались знакомые и друзья разных возрастов.

— Приходится ли вам хотя бы иногда спускаться с заоблачных высот искусства на нашу грешную землю?

— Хобби в настоящем смысле слова у меня нет. Я никогда ничего не коллекционировал. Прогулки? Да, гуляю по улицам разных городов или в одиночестве, или с теми, для кого приемлем темп моей ходьбы, потому что я люблю ходить очень быстро и, так сказать, выдыхать атмосферу городов и улиц. Люблю читать, иногда смотреть телевизор и просто проводить время с друзьями и с людьми, которых не могу назвать друзьями, но которых люблю и которые мне интересны.

— У вас так много любимых композиторов. А вам хотелось бы иметь кого-нибудь из них своим другом, гулять с ним по улицам Лондона или Парижа?

— Я не знаю, кого выбрать. Если бы была такая возможность, я бы, конечно, ею воспользовался, — с любым из великих. Но я бы, скорее, провел время с ним за роялем. У меня, естественно, есть чисто профессиональные интересы. Вот вы упоминали о том, что Моцарт, возможно, не узнал бы своих собственных сочинений. Мне бы захотелось удостовериться в этом из первоисточника.

— Вы могли бы Моцарту или Бетховену что-нибудь сыграть из их произведений?

— Меня к оккультизму и прочим делам подобного рода никогда не тянуло. Спиритизм у меня не занимался. Есть у меня один знакомый, который мне рассказывал, что он пару вопросов таким образом задал Бетховену и даже получил ответы...